

Автор "Гаврилиады"

Роман "12 стульев". Глава 31 – "Автор Гаврилиады": "...Никифор Ляпис, молодой человек с бараньей прической и неустрашимым взглядом. ... В Доме народов он был своим человеком и знал кратчайшие пути к оазисам, где брызжут светлые ключи гонорара под широколиственной сенью ведомственных журналов. ... Прежде всего Никифор Ляпис пошел в буфет... Потом Ляпис неторопливо стал обходить свои владения...

– Да, кстати, Ляпис, почему вы Трубецкой?"

Именно с таким вопросом: "Да, кстати, Сиркес, почему вы Кольчев?" – могли обратиться Ильф и Петров к своему земляку. Для всех, знающих или угадывающих прототипа Ляписа-Трубецкого, Осип Кольчев связан с ним навечно.

Что сегодня читатель помнит о Кольчеве? Автор песен для Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии, автор песен-хитов 1920-х "Мы молодая гвардия рабочих и крестьян", "Несокрушимая и легендарная".

Часть архива поэта хранится в Одесском литературном музее. И много неожиданного и любопытного можно найти в этих старых рукописях.

Осип Яковлевич Сиркес (1904-1973), сын одесского журналиста Сиркеса (Фауста), можно сказать, потомственный литератор. Родился в Одессе.

Отец, Яков Осипович Сиркес (ум. в 1922?), не только писал статьи, но и был автором нескольких книг. Первая вышла еще в 1892 г. "Аргентинский отклик. Сборник статей и стихотворение по поводу колонизации Аргентины. Издатели М. Поляновский и Я. Сиркес". Позднее выходит в его переводе книга "Знаменитый еврейский шут Гершко из Острополя". Есть у Я. Сиркеса книга рассказов "Одесские трущобы – из жизни обитателей одесских трущоб и вертепов" 1903 г., в том же году выходит и сборник шуточных стихотворений "Смех и фантазия". Похоже, после рождения сына в 1904 было уже не до книг.

Первые литературные произведения Осипа написаны, в прямом смысле, на обороте отцовских рукописей. С одной стороны – четкий уверенный почерк Якова Сиркеса – статья-некролог врачу и общественному деятелю Герману Адлеру. С другой – мелко и неразборчиво записан трагический монолог, придуманный сыном. В статье Фауста нет ни начала, ни конца, а Кольчев (тогда еще Сиркес) заканчивает так: "Я жить еще хочу, но только б не уснуть, Уйдите ж наконец, мятежные терзанья, Не мучьте без конца измученную грудь. (Тихо плачет). Занавес".

Что ж, революция, гражданская война, бумаги недостает. И если отец пером зарабатывает семье на жизнь, то сын к этому перу только примеряется.

О том, как он попал в круг молодых одесских поэтов:

"1921 год.

Голодный, но счастливый и солнечный год моей юности.

Слишком много выстрадано для моих семнадцати лет. Смена десятков властей и правительств. Бомбардировки, потрясающие стены нашего дома на Кузнечной, и пули, свистевшие в кронах акаций...

Бои — на улицах. Расстрелы, налеты.

Но вот установилась Советская власть.

...

В эти дни я самозабвенно был влюблен в поэта Надсона. Мало сказать, влюблен. Я боготворил этого длинноволосого юношу с чахоточным лицом, с мечтательными еврейскими глазами...

Я сразу впитал в себя на всю жизнь афористическое пятистрочие этого поэта, которое еще в раннем детстве прочитал мне мой отец. Написанные в конце прошлого века, мне кажутся и сейчас эти строки очень точными и взвешенными.

В них — предчувствие нового расцвета русской поэзии.

Ищите новые пути!

Стал тесен мир. Его оковы

Непобедимы и суровы.

Где ж вечным розам расцвести?

Ищите новые пути!

...

Однажды я вышел на улицу погулять, семнадцатилетний юноша с наивной шевелюрой, с наивным представлением о поэзии и ее задачах, влюбленный в Семена Надсона — и более ни в кого, а вернулся — обогащенный целым миром поэзии, внезапно повзрослевший и посвященный во все богатство звучаний современного стиха.

Произошло это в течение часа — и вот как это произошло.

Беспечно шатаюсь по Тираспольской улице, я увидел впереди себя энергично шагающего низкорослого мальчика, держащего перед глазами раскрытую книгу каких-то стихов и громко читающего их вслух посреди многолюдной улицы.

Я поравнялся и заглянул в глаза мальчику. Он с любопытством ответил мне взглядом черных озорных глазок и тут же представился:

— Семен Кирсамов. (Тогда фамилия поэта звучала еще так, с буквой "м" вместо "н".)

Назвался и я.

Мы обменялись крепким рукопожатием (вначале автор написал — "взглянули друг другу в глаза". — **А. Я.**), и оба почувствовали, что эта встреча предreshена, что она — на долгие годы.

Книжка, которую читал С. Кирсанов, была сборником Владимира Нарбута "Огненный столп" (ошибка автора, "Огненный столп" (Петроград, 1921) название книги Н. Гумилева, книга В. Нарбута "В огненных столбах" вышла в Одессе в 1920 г. — **А. Я.**).

О многом в этот день мы рассказали друг другу, во многом признались, и прежде всего — в желании стать поэтами, по возможности, великими".

И все же, почему такой псевдоним — Кольчев? Чтобы с отцом не путали? А может потому, что был в XVIII веке такой боярин Осип Андреевич Кольчев. Красивое имя, высокая честь! Так появился в русской литературе поэт и переводчик Осип Кольчев.

Кольчев перебирается в Москву в 1928 году. Думается, его неутомимость и побудила Ильфа и Петрова создать образ автора "Гавриилады", но пока он попал в очень приличную компанию.

Из письма Кольчева матери: "Дорогая мама, со вчерашнего дня я живу в Ленинграде. Со мной — Кирсанов. Его затея, его деньги. Пробуду здесь несколько дней. И если улыбнется аванец, поедем дальше в Кронштадт, в Царск[ое] село и в Архангельск. До сих пор у меня не было возможности отправить тебе и Любе одолженных денег. Из первых же более или менее крупных получек — немедленно же вышлю. Здоровье мое обычное. Подъем на 5-ый этаж — по-прежнему задание суровое, сопряженное с большими трудностями. В высшей степени полезен для сердца (я это ясно чувствую) свежий зимний воздух. Самочувствие — вполне приличное. Я продал стихи в Новый мир, в Октябрь, в Ниву ("Красная Нива". — **А. Я.**), в Ленинградскую Смену, попробую сегодня почву Звезды. Ленинград — великолепен. По приезде в Москву напишу отдельное письмо... Целую Ося".

Кольчев становится поэтом-песенником. Его стихи положены на музыку братьями Покрасс, А. Александровым, В. Мурадели, Р. Глиером, М. Табачниковым.

Он переводил с идиш. В 1935 г. в Гослитиздате вышла книга "Из еврейских поэтов. Сборник стихов" в авторизованном переводе О. Кольчева. В нее входили стихи И. Фефера, Д. Гофштейна, П. Маркиша. В предисловии Кольчев объяснял свою задачу: "представить круг поэтов одного десятилетия (1920-1930), поднявших на большую высоту стиховую культуру своего языка". Позднее книга попала в список запрещенных.

Кольчев в советские годы был благополучным автором, книги выходили, песни звучали по радио и со сцены в исполнении Краснознаменного ансамбля. Он общался и со старыми одесскими друзьями, независимо от их рангов.

Из письма Л. Утесова: "Дорогой друг! Я сердечно благодарю Вас за книжку Ваших стихов. Я искренне люблю Вас — поэта. Хотел позвонить Вам, да не знаю Вашего телефона".

Из письма Бориса Бобовича 28 декабря 1971 г. "Страшно жалел, что не сумел побывать на Вашей, как мне говорили, очень интересной выставке".

Из письма И. Сельвинского: "В больнице видел Ваши этюды, кажется в "Юности".

Очень за Вас обрадовался. Просто не ожидал, что Вы – такой живописец. Но, конечно, живописец-поэт в Вас, слава богу, гораздо сильнее”.

О том, что не был забыт, свидетельствует то, что известнейший пародист Александр Иванов почтил его пародией. В ней есть такие строки:

Стиляжьи штиблеты модерна
Порой не подтянешь никак.
Но служит спокойно и верно
Разношенный ямба башмак.

Что ж, ямб не такой уж плохой ритм. Да и отличать его от хоря Осип Яковлевич умел.

Одна из последних публикаций стихотворений Кольчева состоялась уже в 1997 году. Альманах "Охотничьи просторы" перепечатывает стихи о природе. Воспоминания же публиковались, и не в полном объеме, почти полвека назад.

Всецело доверять Кольчеву (как, впрочем, и любому другому мемуаристу) не стоит. Он ошибается в датах, порой – в названиях книг, но очень много верных, метких характеристик, малоизвестных фактов.

Между прочим, в нашем альманахе "Дерибасовская – Ришельевская", в 29 номере, были опубликованы стихи "Потоки" ("На перекрестке Степовой..."). В журнале "Силуэты" 1923 г. имя автора указано как "М. Тарасенко". Подпись вроде бы указывает на Марусю Тарасенко, невесту Ильфа, но чересчур уж лихие строчки для юной девушки. А у Кольчева читаем: "В тех же "Силуэтах" были опубликованы написанные мной совместно с С. Гехтом шуточные стихи о потоковцах". Цитирует он по памяти не вполне точно, но все же авторство стихов не вызывает сомнений. Одной, пусть и маленькой тайной в литературной жизни Одессы двадцатых стало меньше.

Алена ЯВОРСКАЯ

Осип КОЛЫЧЕВ

Рождение "Потоков Октября"

В Одессе в 1922 году при клубе "Январских мастерских" был создан литературный кружок "Потоки Октября". Раньше старые кадровики и молодежь наугад без руководства знакомились с художественной литературой. Теперь появилось руководство в лице милейшего Лагутинского, учителя словесности.

В журнале "Шквал" (1924 г., № 5) напечатаны были любопытные заметки первых организаторов кружка, И. Чернова и А. Баршта, "Как создавались "Потоки Октября":